

Гу Цин посмотрел в их сторону:

— А, господин Цзинь, господин Шэн и господин Шэн. Не стойте, пожалуйста, садитесь.

Сказав это, он снова повернулся к экрану, где жена и любовница устроили громкий скандал, и смотрел на это с явным удовольствием.

Шэн Цзянкэ был бледен. Он холодно смотрел на Гу Цина, сожалея, что ради такого грубого и невежливого человека лишился расположения Цзинь Чэнси. Едва он собрался что-то сказать, чтобы подогреть конфликт, Шэн Цзянхун, нахмурившись, остановил его.

Сейчас они были в невыгодном положении, и, учитывая, что их оппонент — не обычный человек, а высококлассный специалист, уже отмеченный на государственном уровне, лучше было свести конфликт к минимуму.

Цзинь Чэнси глубоко вздохнул:

— Господин Фан, нам нужно серьёзно поговорить.

Гу Цин перевёл взгляд с экрана, где мужчина изображал из себя стороннего наблюдателя, на Цзинь Чэнси, который выступал в роли посредника:

— Хорошо.

Сказав это, он поставил видео на паузу, повернулся к главному юристу и тихо обменялся с ним парой слов. Главный юрист кивнул, и вскоре он и остальные юристы поднялись и вышли из комнаты.

Увидев это, Шэн Цзянхун, подумав, также велел своим юристам последовать за ними, и помощник Цзинь Чэнси занялся их размещением.

Затем Цзинь Чэнси сел на почётное место во главе стола, Шэн Цзянхун занял место справа от него, а Шэн Цзянкэ сел рядом.

Гу Цин сегодня был одет в классический трёхчастный костюм. Потеряв пять килограммов для роли в «Первородном грехе», он выглядел ещё более худощавым, скулы стали более выраженными, что делало его глаза невероятно яркими. Когда он по очереди окинул взглядом Цзинь Чэнси и Шэн Цзянхуна, оба, привыкшие к высоким должностям, невольно нахмурились, явно почувствовав себя оскорблёнными.

Шэн Цзянкэ же просто игнорировал взгляд Гу Цина, сосредоточившись на Цзинь Чэнси.

Очевидно, Шэн Цзянкэ сожалел о своих поступках, но не из-за того, что оклеветал Гу Цина и подверг его массовой травле в сети, а потому, что это снизило расположение Цзинь Чэнси к

нему.

Гу Цин прекрасно это понимал. Он откинулся на спинку стула:

— Я считаю, что заслуживаю извинений. Вы не согласны?

Шэн Цзянхун и Цзинь Чэнси обменялись взглядами, после чего Шэн Цзянхун, выпрямившись, сказал:

— Мой младший брат, поддавшись импульсу, совершил поступок, оскорбительный для господина Фана. От имени нашей семьи Шэн я хочу выразить наши искренние извинения. Мы также готовы компенсировать моральный ущерб, нанесённый господину Фану. Хотя наша семья не имеет отношения к шоу-бизнесу, в сфере журналистики у нас есть определённые связи, и мы готовы помочь юристам господина Фана в том, чтобы СМИ и отдельные лица, распространявшие ложную информацию, осознали свои ошибки в профессиональной этике.

Этот ответ был предельно стандартным и во многом повторял то, что уже говорили юристы Гу Цина.

Цзинь Чэнси также добавил:

— Цзиньчэн также готов внести свой вклад. В конце концов, господин Фан всё ещё является артистом под нашим контрактом.

Гу Цин посмотрел на Шэн Цзянкэ, а затем перевёл взгляд на Цзинь Чэнси.

Цзинь Чэнси невольно выпалил:

— Цзянкэ ещё ребёнок...

Гу Цин щёлкнул пальцами:

— Вот именно, этого мне и не хватало.

Цзинь Чэнси: ...

Шэн Цзянхун: ...

Гу Цин с улыбкой продолжил:

— «Он ещё ребёнок», да. Ну или можно сказать, что Цзянкэ молод и неопытен. Но я хочу кое-что добавить в защиту молодого господина Шэна.

Цзинь Чэнси и Шэн Цзянхун нахмурились.

Шэн Цзянкэ не проявил никакой реакции.

Гу Цин медленно продолжил:

— Молодой господин Шэн действительно молод, но он не неопытен. Напротив, в деле моей клеветы он проявил не только логическую точность, но и, если бы дело дошло до суда, легко бы избежал ответственности. Ведь как источник проблемы, он не указал прямо на меня в той фотографии. Это были другие заинтересованные стороны, которые хотели воспользоваться ситуацией, чтобы втоптать меня в грязь, и те, кто, прячась за экранами, любят создавать кумиров, а затем низвергать их.

Можно сказать, что молодой господин Шэн проявил себя как человек с острым умом, но с недостатком эмпатии, чувствительный и проницательный. Лишь из-за своей одержимости господином Цзинь он допустил ошибку в суждениях. Учитывая его богатство и связи, можно сказать, что у молодого господина Шэна есть большой потенциал стать интеллектуальным преступником высокого уровня.

— Господин Фан! — повысил голос Шэн Цзянхун, с трудом сдерживая гнев. — Я знаю, что он совершил ошибку, но вам не нужно изображать моего брата в таком ужасном свете.

Гу Цин слегка покачал головой:

— Я не скрываю похвалы за критикой.

Цзинь Чэнси поспешил сгладить ситуацию:

— Я понимаю. Возможно, господин Фан из-за «Первородного греха» перенёс свои эмоции в реальность. Не так ли, господин Фан?

— Нет.

Цзинь Чэнси: ...

Гу Цин посмотрел на Шэн Цзянкэ:

— Представь, что есть пара влюблённых. Один из них заболел и нуждается в пересадке почки. Второй подходит как донор, но до этого первый уже собирался изменить. Второй знает об этом, но всё равно отдаёт почку. Как думаешь, почему?

Шэн Цзянкэ произнёс свои первые слова:

— Он хотел, чтобы тот почувствовал вину и не ушёл.

— Хороший мальчик, — похвалил Гу Цин, как будто хвалил собаку. — А знаешь, что такое стокгольмский синдром?

— Да.

Шэн Цзянхун больше не хотел слушать:

— Хватит!

Гу Цин протяжно сказал:

— Если нельзя завоевать сердце человека, сначала завоюй его тело.

Шэн Цзянкэ задумался, а затем странно посмотрел на Цзинь Чэнси.

Цзинь Чэнси почувствовал, как по коже побежали мурашки:

— Хватит!

Гу Цин покорно согласился:

— Я тоже думаю, что достаточно. Обычно я не произношу таких банальных фраз, а сегодня уже дважды.

Шэн Цзянхун: ...

Цзинь Чэнси: ... В этом ли дело?

К тому же Цзинь Чэнси почувствовал странную боль в почках, и он надеялся, что это лишь его воображение!

Так, казалось, конфликт с Шэн Цзянкэ был улажен.

Не говоря уже о том, как семья Шэн к нему относилась, даже Цзинь Чэнси, на которого он был одержим, не мог скрыть чувства облегчения. Это означало, что Цзинь Чэнси не будет так просто отпускать ситуацию, и его отношение уже было достаточным наказанием для Шэн Цзянкэ, более суровым, чем тюремное заключение.

Гу Цин неспешно поднялся и застегнул пуговицы на пиджаке.

Цзинь Чэнси:

— Я провожу вас.

Гу Цин кивнул.

— Когда Цзянкэ был маленьким, няня в его доме не уделяла ему должного внимания. Я обнаружил это, когда приходил к ним в гости.

Пройдя несколько шагов, Цзинь Чэнси вдруг заговорил, мягко упомянув о том, что Шэн Цзянкэ в детстве подвергался жестокому обращению со стороны няни. После паузы он спросил:

— Господин Фан, как вы думаете, если он пройдёт курс психотерапии, сможет ли он вернуться к нормальной жизни?

— Вы беспокоитесь, что мои предсказания сбудутся?

Гу Цин задумчиво произнёс, а затем с лёгкой улыбкой добавил:

— В крайнем случае, вы всегда можете стать жертвой ради него.

Цзинь Чэнси: ...

Чёрт возьми, стать жертвой!

Цзинь Чэнси едва сдержался, чтобы не сказать: «Ты что, дьявол?». Вместо этого он, собравшись, сказал:

— Кстати, перед сегодняшним днём я просмотрел ваше досье, господин Фан. Меня удивило, как вы смогли достичь таких успехов за границей и в столь короткое время создать столь перспективную компанию.

Ведь, как ни посмотри, это казалось невозможным. Наверняка за этим стоял кто-то ещё.

Так думал не только Цзинь Чэнси. И даже несмотря на то, что Гу Цин сделал переход от Фан Ланнина к себе логичным, разница между ними была слишком велика, чтобы не вызывать сомнений. Однако, когда эта разница стала достоянием общественности, Гу Цин уже обладал достаточным капиталом и социальным статусом, чтобы противостоять сомнениям, хотя это не мешало другим строить свои догадки.

Гу Цин улыбнулся, приподняв уголки губ:

— «Пигмалион» Бернарда Шоу.

Он имел в виду историю о том, как профессор из среднего класса превратил продавщицу цветов из низшего класса в изысканную леди.

Цзинь Чэнси не ожидал, что он будет так проникателен и прямо об этом скажет, лишь сухо рассмеялся:

— Без намерения обидеть.

<http://bllate.org/book/15394/1359528>